
В. В. МАРХИНИН

ПРОБЛЕМА СПЕЦИФИКИ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В КЛАССИЧЕСКОМ МАРКСИЗМЕ

В статье интерпретируется понимание К. Марксом и Ф. Энгельсом проблемы специфики социально-гуманитарного научного познания. В этом контексте ставятся вопросы о трактовке классиками марксизма взаимоотношений науки и философии; о тенденции и пределах возможного в перспективе слияния естественных и социально-гуманитарных дисциплин в единую науку. Показывается, что центральную роль в образовании специфики гуманитарных наук, с точки зрения классиков марксизма, играет внутреннее для этих наук взаимопроникновение собственно научных и философских форм познания, подчиненное нормам научности. Это взаимопроникновение реализуется прежде всего в специфическом для социально-гуманитарных наук методе познания – восхождении от абстрактного к конкретному, представляющем собой научную модификацию философского диалектического метода.

Ключевые слова: *социально-гуманитарные науки, философия, диалектика, метод восхождения от абстрактного к конкретному, историческая практика.*

Поскольку Маркс, осмысливая отчуждение, проникает в сущностное измерение истории, постольку марксистский взгляд на историю превосходит другие исторические теории.

М. Хайдеггер

К. Маркс (1818–1883) и Ф. Энгельс (1820–1895) создавали свое социальное и философское учение в эпоху, когда в ответ на запрос общества, в котором назревали предпосылки революционных изменений, началось становление социально-гуманитарного познания в качестве науки. Стремясь к тому, чтобы их собственная тео-

рия развивалась на адекватных потребностях общества научных началах, классики марксизма размышляли также об общих проблемах специфики социальных и гуманитарных наук. Огромное влияние, которое оказала теория Маркса и Энгельса на формирование современной социальной ситуации в мире и на состояние наук об обществе и человеке, придает особую актуальность выяснению их взглядов на проблемы специфики социально-гуманитарных наук.

1. Устраняет ли наука философию?

Социальная философия К. Маркса и Ф. Энгельса так глубоко входит в состав научных теорий и исследований, существуя и функционируя не иначе чем в изначальном содержательном и методологическом единстве с собственно научным (то есть ориентированным на образец научного естествознания) планом содержания и методологии, что сами классики марксизма склоняются к тому, чтобы не отличать свою философию от науки. Например, в сочинении «*Анти-Дюринг*» Энгельс пишет: «Гегелевская система была последней, самой законченной формой философии, поскольку последняя мыслится как особая наука, стоящая над всеми другими науками. Вместе с ней потерпела крушение вся философия. Остались только диалектический способ мышления и понимание всего природного, исторического и интеллектуального мира как мира бесконечно движущегося, изменяющегося, находящегося в постоянном процессе возникновения и исчезновения»¹. Здесь, правда, Энгельс, как мы думаем, чрезмерно «размашисто» утверждает, что вместе с гегелевской философией, пытавшейся встать над науками в качестве науки наук, «потерпела крушение вся философия». Далее в той же работе он говорит, на наш взгляд, более точно о судьбе философии в ее связи с наукой: «Современный материализм <...> представляет собой не простое восстановление старого материализма, ибо к непреходящим основам последнего он присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, как и самой этой двухтысячелетней истории. Это вообще уже больше не философия, а просто мировоз-

¹ Энгельс Ф. *Анти-Дюринг* / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. – Т. 20. – С. 23.

зрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках. Философия, таким образом, здесь “снята”, то есть “одновременно преодолена и сохранена”, преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию»².

Если принять за однозначное и окончательное решение мысль о том, что вместе с развитием науки «потерпела крушение вся философия», то такая позиция была бы в решении вопроса о судьбе философии равнозначна позиции позитивизма с его проектом ниспровержения метафизики путем превращения философии в науку. Но в действительности марксизм радикально отличается от позитивизма именно тем, что последний пытается поставить крест на метафизике, то есть, по сути, на философии, заменив ее наукой. Марксизм же видит судьбу философии в ее неразрывном соединении с наукой, потому что по сути, а не просто декларативно, как в формуле о «крушении всей философии», для классического марксизма характерна именно та позиция, что философия входит в «реальные науки», что она преодолевается по форме, сохраняясь по содержанию.

Но нужно учесть, что в цитированных высказываниях Энгельса речь идет не специально о социально-гуманитарном познании, а о науке вообще. Это объяснимо, поскольку Энгельс предполагает, что естественные и социально-гуманитарные науки существенным образом тождественны в силу присущего и тем и другим историзма. Так, еще в «Немецкой идеологии» (1845) заявлено от лица обоих соавторов: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»³. Эта идея проводится и в последующем творчестве классиков марксизма, в том числе в сочинениях Энгельса, посвященных проблемам естествознания, – в «Диалектике природы» (1873–1882) и в «Анти-Дюринге» (1878).

² Энгельс Ф. Указ. соч. – С. 142.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. – Т. 3. – С. 16, прим.

2. Мысли о слиянии в перспективе естественных и социально-гуманитарных наук в единую науку

Итак, в рассмотрении всех явлений и процессов как в обществе, так и в природе в качестве историчности классики марксизма видят условие для превращения в конечном счете всех наук (и общественных, и естественных) в единую науку. Это было во многом замечательным предвидением перспектив развития науки. Тенденция сближения социально-гуманитарных и естественных наук в результате проникновения духа историзма в естествознание является значимой тенденцией современного научного познания. Так, возникшая в середине XX в. научная дисциплина синергетика обнаруживает, что процессы развития в виде необратимых изменений во времени характерны не только для социокультурной реальности, но и для всех уровней природного бытия. Притом благодаря открытию историчности всех сегментов окружающего мира синергетика приобретает статус общенаучной методологии. Тем самым намечается и конкретный способ реального сближения социально-гуманитарных и естественных наук – посредством развития общенаучных методологических подходов.

Тем не менее безоговорочно принимать идею, что раскрытие историчности природных явлений и процессов является свидетельством превращения социально-гуманитарных и естественных наук в «одну-единственную науку», было бы, на наш взгляд, неправильно. Этот знаменитый тезис в той его категоричной форме, в которой он высказан, следует расценивать больше как метафору, чем как точную констатацию истинного положения дел. (Недаром и сами Маркс и Энгельс при редактировании рукописи «Немецкой идеологии» исключили из ее текста данный тезис.) Бесспорно, что все более полное выявление исторического характера природных процессов свидетельствует о реальном сближении наук. Но это сближение, как выясняется в ходе прошедшего после смерти Маркса и Энгельса времени, не дает оснований для того, чтобы приравнивать его к возникновению (и тем более к наличному существованию) социально-гуманитарных и естественных наук в виде «одной-единственной науки». Та же синергетика, показывая наличие в природных процессах плана их необратимости, одновременно демонстрирует и то, что эти процессы обратимы. Притом обра-

тимы как раз в наиболее глубинном плане – в плане обратимости их энтропийного характера в неэнтропийный (отрицательная энтропия, англ. *negentropy*). Собственно, изучение этого рода обратимости, обратимости хаоса в порядок в тепловых, химических, биологических и других процессах, – это и есть то, с чего началась синергетика, это ее «заветное слово» в научном познании. В социокультурной реальности в этом отношении дело обстоит, пожалуй, с точностью до наоборот: здесь глубинный план течения событий – это план необратимости, план обратимости вторичен. То есть историчность присуща главным образом именно социокультурной, а не природной реальности. Следовательно, Энгельс был бы прав, говоря о том, что в современных условиях наука включает философию в свой внутренний состав, если бы распространял это положение именно на социально-гуманитарные науки, исторические по своей сути и по преимуществу, а не на науку вообще. Естественные науки и в современной ситуации так же, как это было со времени их возникновения, и, очевидно, будет впредь, находятся с философией совсем в иных отношениях, нежели социально-гуманитарные науки. Естественные науки не включают непосредственно в свой состав философию и соответственно не стремятся подчинить философию решению собственных задач, а находятся с ней в отношениях свободного сотрудничества. Конечно, философия существует и, надо думать, будет существовать не только в «снятом» состоянии, но и прежде всего в качестве самостоятельного вида познания.

3. Метод восхождения от абстрактного к конкретному – генеральный метод социальных и гуманитарных наук

Научно-философский тип теории в социально-гуманитарных науках требует соответствующей этому методологии. В этой связи нельзя обойти вниманием то, что К. Маркс и Ф. Энгельс особое значение в развитии научного познания придают диалектическому методу. Причем их можно понять и так, что диалектический метод является не только собственно философским методом, но должен играть центральную роль также и непосредственно в научном познании. Однако, на наш взгляд, здесь все не так просто.

Отметим сначала, что попытка Энгельса показать адекватность этого метода решению задач естественно-научного познания

(в первую очередь, в труде «Диалектика природы») не может быть признана состоятельной⁴. На самом деле Энгельс показал лишь, что диалектика в научном естествознании может играть роль не более чем познавательного-эвристического принципа, ориентирующего на раскрытие только отдельных моментов диалектики природных феноменов и процессов. Диалектический же метод как таковой – это метод, размерный задачам исследования не окружающего мира, а мира в целом, то есть собственно философский метод.

В отличие от Энгельса термин «диалектический метод» у Маркса в применении к задачам научного познания – не более чем невольная неточность. Ведь Маркс, стремясь к точности в определении используемого в науке метода, ведущего свое происхождение от метода диалектики, предпочитает назвать его *методом восхождения от абстрактного к конкретному*.

Идею о движении или переходе от абстрактного к конкретному как форме и способе применения диалектического метода в научном познании высказал Гегель⁵. Маркс материалистически переосмысливает эту гегелевскую идею. Однако дело не сводится только к этому.

Мы решительно не можем согласиться с тем, что метод восхождения от абстрактного к конкретному, как он был осмыслен К. Марксом, будто бы «не только можно, но и непременно нужно рассматривать как универсальный метод мышления в науке вообще, то есть как всеобщую форму (способ) развития понятий, а во все не только и не столько как специфический прием, специально приспособленный к нуждам разработки теории прибавочной стоимости»⁶. Метод восхождения от абстрактного к конкретному, конечно, не «специфический прием» исследования только капитала, а метод, пригодный для применения и используемый в более широкой области, но все-таки ни в коем случае не в «науке вообще».

⁴ Несостоятельность попытки применения диалектического метода в области естествознания убедительно показана К. Поппером (см.: Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 125). Другое дело, что, подобно Попперу, «развенчивать» неотъемлемый от философии диалектический метод, претендуя при этом быть философом, – это нонсенс (см. критику антидиалектической позиции Поппера: Библер В. С. Что есть философия? // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 159–183).

⁵ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. – М.: Мысль, 1998. – С. 905–907.

⁶ Ильенков Э. В. Диалектика капитала К. Маркса / Э. В. Ильенков // Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 293.

Маркс вместо того чтобы, как Гегель, а вслед за ним Энгельс и некоторые другие авторы, предполагать применимость метода восхождения в науке вообще, ограничивает область его применимости именно социальными (социально-гуманитарными) науками. Хотя Маркс специально осмысливает применение метода восхождения от абстрактного к конкретному в политической экономии, но в принципе он, по Марксу, представляет собой исследовательскую стратегию, действующую «вообще во всякой исторической, социальной науке (курсив мой. – В. М.)»⁷.

Маркс, переосмысливая материалистически метод восхождения от абстрактного к конкретному, одновременно, по сути, противопоставляет гегелевскому пониманию способа применения идеи перехода от абстрактного к конкретному в научном познании вообще также свое понимание того, как этот метод должен применяться конкретно в социальном (социально-гуманитарном) научном исследовании.

Гегель настаивает, что в научном познании движение к конкретному воспроизведению предмета требует, чтобы вначале предмет рассматривался в форме чего-то *всеобщего*, что первым должно быть *простое*, выделенное из *конкретного*. Имеется в виду, что научное постижение предмета требует, чтобы его воспроизведение совершалось в движении от абстрактно-понятийного, то есть от бедного содержанием, одностороннего понятия к конкретно-понятийному, то есть к богатому содержанием, всестороннему отражению предмета. Гегель предвидит, что с ним могут не согласиться. «Против такого движения науки, – замечает он, – можно, пожалуй, возразить, что так как созерцать легче, чем познавать, то и началом науки следует сделать созерцаемое, то есть конкретную действительность, и что это движение более *сообразно с природой* (здесь и далее курсив мой. – В. М.), чем то, когда начинают с предмета в его абстрактности и отсюда, наоборот, идут к его обособлению и порознению. Но так как задача состоит в том, чтобы *познавать*, то вопрос о сравнении с *созерцанием* уже решен в смысле отказа от него; – теперь вопрос может быть лишь о том, что должно

⁷ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала») / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1968. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 43.

быть первым *в пределах познания* и каково должно быть последующее; уже требуется путь, не *сообразный с природой*, а *сообразный с познанием*. <...> В себе и для себя *всеобщее* есть первый момент понятия, потому что оно *простое*, а особенное есть только последующее, потому что оно опосредствованное; и наоборот, *простое* есть более общее, а конкретное как в себе различное и, стало быть, опосредствованное есть то, что уже предполагает переход от чего-то первого. – Это замечание касается не только порядка движения в определенных формах дефиниций, членений и положений, но и порядка познавания вообще и лишь принимая во внимание различие абстрактного и конкретного вообще»⁸.

Маркс в противоположность идеализму и антиэмпиризму Гегеля обосновывает мысль, что если речь идет о применении метода перехода – по Марксу, восхождения – от абстрактного к конкретному в *научном* познании, то начальным пунктом движения должно быть представление о познаваемом предмете как он дан в реальности и именно чувственному восприятию.

Маркс пишет: «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление подверглось испарению путем превращения его в абстрактные представления, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления.

Гегель поэтому впал в иллюзию, понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного»⁹.

Маркс полагает, что благодаря проделанной экономистами до него работе по выделению отдельных абстрактных категорий из

⁸ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. – М.: Мысль, 1998. – С. 905–906.

⁹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. – С. 37–38.

чувственно данного образа буржуазного общества и его экономики можно теперь, опираясь на эти абстрактно-эмпирические обобщения, начать переход к собственно конкретному теоретическому его исследованию. В соответствии с методом восхождения от абстрактного к конкретному Маркс намечает следующий ход исследования предмета – капиталистического строя. От всеобщих абстрактных определений, в силу абстрактности присущих всем формам общества, исследование должно перейти к категориям, которые составляют внутреннюю структуру капиталистического общества и определяют существование его основных классов: капитал, наемный труд, земельная собственность и др. Отсюда переход к концентрированному выражению буржуазного общества в форме государства, затем – к международным отношениям производства, разделения труда, обмена и, наконец, к мировому рынку и кризисам¹⁰.

Как видно, метод восхождения от абстрактного к конкретному, поскольку он предполагает движение от эмпирических данных и обобщений этих данных (очевидно, обобщений по преимуществу индуктивных) как базиса к собственно теоретическому, то есть посредством понятийного мышления, уровню воспроизведения предмета, является научным методом познания общества. При этом дедуктивное движение исследовательской мысли на собственно теоретическом уровне яснее всего обнаруживает родство метода восхождения с диалектическим методом, так как дедукция осуществляется обязательно – чего нет в естественно-научной теории – по алгоритмам диалектики.

Научная модификация философского диалектического метода при его обращении в метод восхождения от абстрактного к конкретному заключается в том, что диалектическая дедукция совершается так, что всегда остается очевидной ее опора на эмпирический базис. Очень хорошо эту особенность диалектической дедукции в исследовании К. Марксом капиталистического способа производства передает следующее суждение В. И. Ленина: «У Маркса в “Капитале” сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз

¹⁰ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. – С. 45.

встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке»¹¹ буржуазного общества) *все* (здесь и далее курсив мой. – В. М.) противоречия (*respective* зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост, *и* движение) этих противоречий и этого общества, в его отдельных частях, от его начала до его конца»¹². Иначе говоря, анализ Маркса вскрывает в феномене товара динамику *всех противоречий* капитализма, «буржуазного (товарного) общества», то есть *диалектический* характер этой динамики, но вместе с тем товар – это «самое простое», то есть *абстрактное*, «самое обыденное» и «встречающееся», то есть *эмпирически* данное явление.

Итак, из диалектического характера дедуктивного формирования теории посредством метода восхождения от абстрактного к конкретному видно как его происхождение от диалектического метода, так и то, что диалектический метод при этом существенно модифицируется научной задачей исследования. Притом понятно, что метод восхождения действительно является специфически социально-гуманитарным научным методом. Специфика научного социально-гуманитарного познания, проистекающая из трансформации диалектического метода в адекватный задачам такого познания метод восхождения от абстрактного к конкретному, особенно сильно проявляется в фазе обоснования состоятельности теории путем эмпирического подтверждения ее выводов. Так, исследование Марксом капиталистического строя предполагает не только выводы об определенных кризисах в развитии и функционировании данного строя, но и – в пределе – выводы о вырастающем из этих кризисов новом, коммунистическом, общественном строе. Но возможность эмпирической проверки такого рода выводов, особенно в их предельном виде, глубоко проблематична, поскольку

¹¹ Маркс использовал слово «клеточка» в предисловии к первому изданию первого тома «Капитала» в формулировке тезиса: «Но товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества» (Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. – Т. 23. – С. 37–38).

¹² Ленин В. И. Философские тетради / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1973. – Т. 29. – С. 318.

они имеют статус футурологических, недоступных для эмпирических проверок «здесь и сейчас». Тем самым проявляется определенное подобие научной социально-гуманитарной теории философской теории и резкое отличие социально-гуманитарной науки от научного естествознания. В естественных науках теория может быть признана достоверной только при условии, что ее выводы – в форме открываемых ею тех или иных законов природы – эмпирически подтверждаемы именно «здесь и сейчас». Иначе естественно-научная концепция будет иметь в лучшем случае статус гипотезы, но не теории. Возможность подтверждения социально-гуманитарной концепции в качестве теории путем эмпирических проверок ее выводов по необходимости лежит в русле обнаруживающейся во времени реальности или, напротив, ирреальности футурологического образа соответствующего предмета.

4. Пример реализации метода восхождения – открытие закона тенденции нормы прибыли к понижению

Примером, относящимся к существу рассматриваемого вопроса, является вывод К. Маркса из исследования капиталистического способа производства в виде открытия «закона тенденции нормы прибыли к понижению»¹³.

Тенденция понижения общей (средней) нормы прибыли есть следствие роста *органического строения капитала*, то есть отношения постоянного капитала (c) – стоимости средств производства – к переменному капиталу (v) – стоимости рабочей силы, то есть к общей сумме заработной платы.

Кратко поясним смысл этого открытия Маркса. Органическое строение капитала, или отношение c/v , есть, иначе говоря, *стоимостное строение капитала*. Взятый же с точки зрения не стоимости, а материального состава, функционирующего в процессе производства, капитал делится на средства производства (машины, оборудование, материалы) и живую рабочую силу – это деление представляет собой *техническое строение капитала*. Стоимостное строение капитала является его органическим строением лишь постольку, поскольку стоимостное строение капитала определяется его техни-

¹³ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т. 3. – Ч. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. – Т. 25. – Ч. 1. – С. 231–292.

ческим строением. Соответственно *рост* органического строения капитала определяется ростом его технического строения – прогрессом средств производства (техническим прогрессом). Рост технического строения капитала выражается, в частности, в повышении технической вооруженности и капиталовооруженности труда – в росте отношения основного капитала к числу лиц, занятых в производстве (отдельный рабочий приводит в движение все бóльшую массу средств труда).

Органическим раскрытое строение капитала К. Маркс называет, очевидно (в текстах самого Маркса это специально не разъясняется), потому, что имеется в виду: речь идет о капитале как органическом целом, способном к самовоспроизводству и самовозрастанию. Тенденция снижения нормы прибыли и фиксируется Марксом как форма проявления *всеобщего закона капиталистического накопления*. Эта форма проявления состоит в том, что постоянный капитал, или стоимость средств производства, накапливается в общем и целом быстрее, чем переменный капитал, или стоимость рабочей силы. Накопление капитала оказывается ростом производительной силы общества, в нем выражается технический и научно-технический прогресс, оно влечет концентрацию производства, а значит, приобретение производством общественного характера. Во всем этом обнаруживаются пределы капитализма, частной формы собственности и предпосылки нового, коммунистического строя с его общественной собственностью на средства производства.

Норма прибыли есть отношение прибавочной стоимости – части произведенной рабочими стоимости, отчуждаемой классом капиталистов, – к совокупной стоимости капитала, то есть к сумме постоянного и переменного капитала. Поскольку вместе с ростом объема постоянного капитала возрастает и величина его стоимости, а следовательно, и всего капитала, постольку имеет место снижение нормы прибыли. Притом снижение нормы прибыли не равнозначно снижению массы прибыли, ибо капиталистическое накопление есть расширенное воспроизводство и потому оно сопровождается увеличением массы прибыли. Но последнего недостаточно для благополучного функционирования капитала. Хотя целью капиталистического способа производства является возрастание капитала, но вместе с тем стимулом, движущим мотивом капитали-

стов является погоня за прибылью. Поэтому падение нормы прибыли обесмысливает капиталистическое производство. Маркс объясняет это так: «Норма прибыли, то есть относительный прирост капитала, имеет важное значение, прежде всего, для всех новых, самостоятельно группирующихся ответвлений капитала (то есть для расширения капитала. – *В. М.*). И если бы капиталобразование стало уделом исключительно немногих крупных капиталов, для которых масса прибыли перевешивает ее норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон. (Не это ли характерно для олигархического капитализма, в том числе и в особенности для нынешнего российского? – *В. М.*) Норма прибыли – это движущая сила капиталистического производства; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью. Отсюда страх английских экономистов перед понижением нормы прибыли. <...> Рикардо беспокоит то, что норме прибыли, которая является стимулом капиталистического производства, а вместе с тем и условием и двигателем накопления, угрожает опасность вследствие развития самого производства. А количественное отношение здесь – всё»¹⁴. Класс капиталистов, стремясь противодействовать снижению нормы прибыли, повышает степень эксплуатации трудящихся, увеличивая абсолютную (за счет увеличения продолжительности рабочего времени) и относительную (за счет снижения в рабочем дне доли времени, в течение которого он производит стоимость своей рабочей силы) прибавочную стоимость и даже понижая заработную плату ниже стоимости рабочей силы. (Отметим попутно, что повышение степени эксплуатации выражается в абсолютном и относительном обнищании рабочего класса.) Снижению нормы прибыли противодействуют также некоторые другие факторы: удешевление элементов постоянного капитала в результате технического прогресса; относительное перенаселение, создаваемое техническим прогрессом капиталистического способа производства, приводящее к снижению среднего уровня заработной платы, соответственно к повышению средней доли прибавочного труда и повышению нормы прибыли; внешняя торговля, неэквивалентная со стороны стран

¹⁴ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 231–292.

с высоким органическим строением капитала по отношению к менее развитым странам и др. Необходимый характер как процесса понижения нормы прибыли, так и существования факторов, противодействующих данному процессу, означает, что капиталистический способ производства содержит в себе глубокое, имманентно присущее ему противоречие. «Противоречие, выраженное в самой общей форме, – констатирует К. Маркс, – состоит в том, что капиталистическому способу производства присуща тенденция к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости, а также независимо от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство; тогда как, с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости и ее увеличение в возможно большей степени (то есть постоянно ускоряющееся возрастание этой стоимости). Специфическая особенность капиталистического способа производства состоит в использовании наличной капитальной стоимости как средства для возможно большего увеличения этой стоимости. Методы, которыми он этого достигает, сопряжены с уменьшением нормы прибыли, обесценением наличного капитала и развитием производительных сил труда за счет уже произведенных производительных сил»¹⁵. В результате понижение нормы прибыли, осуществляющееся в противоречивой форме, «способствует перепроизводству, спекуляции, кризисам».

Однажды, когда капитал подойдет к пределу исчерпания своих возможностей возрастания – и с точки зрения степени эксплуатации трудящихся, и с точки зрения предельного расширения в пространстве, то есть до уровня мировой системы производства, – противоречие, связанное с тенденцией к падению нормы прибыли, должно будет получить революционное разрешение, в котором будут реализованы предпосылки нового строя, в том числе упомянутые выше. Маркс в контексте анализа тенденции снижения нормы прибыли формулирует это предвидение в следующем тезисе: «Противоречие между всеобщей общественной силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов

¹⁵ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 273.

над этими общественными условиями производства становится все более вопиющим и предполагает уничтожение этого отношения, так как оно вместе с тем предполагает преобразование условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства»¹⁶.

Итак, из рассмотренного содержания закона тенденции нормы прибыли к понижению видно, что открытие и исследование К. Марксом этого закона действительно является примером применения научного метода восхождения от абстрактного к конкретному, то есть метода, соответствующим образом модифицирующего философский диалектический метод: выделяются противоборствующие факторы процесса образования нормы прибыли, и из противоречивого характера протекания этого процесса дедуцируются выводы о кризисных формах и ритмах воспроизводства капитала, предполагающих необходимость будущего перехода к коммунистической формации. Но необходимость этого перехода, как показывает исследование Маркса, реализуется «только как тенденция, влияние которой явственно выступает только при определенных обстоятельствах и в течение продолжительных периодов времени»¹⁷.

5. Практика – способ верификации достоверности теорий в социальных и гуманитарных науках

Верификация этих выводов в соответствии со стандартами научности, как уже было сказано, сравнительно с положением дел в естественно-научном познании весьма специфична. Случай исследования процесса образования нормы прибыли подтверждает, что в социальном познании (и вообще в социально-гуманитарном познании, о чем мы еще скажем отдельно) верификация невозможна «здесь и сейчас». Потому что процесс снижения нормы прибыли есть «только тенденция» (Маркс бы согласился, что не только этот процесс реализуется как тенденция, ибо его собственные исследования, в особенности исследования капитала, выявляют, что все социально значимые процессы реализуются «только как тенденции», что законы их протекания – «только законы-тенденции»), которая как таковая «выступает только при определенных обстоя-

¹⁶ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 290.

¹⁷ Там же. – С. 262.

тельствах». В первую очередь, очевидно, в обстоятельствах экономических кризисов. И потому, что влияние данной тенденции сказывается только «в течение продолжительных периодов». И, однако, же верификация выводов по поводу характера протекания процесса, в данном случае – кризисного характера, и по поводу его отдаленных перспектив, в данном случае – перспектив возникновения коммунистической формации, при всей затрудненности и сохраняющейся длительное время проблематичности этой верификации является все-таки реальной возможностью. Но в отличие от верификации в естествознании, где, собственно, внутринаучные критерии истинности (особенно интерсубъективная воспроизводимость «здесь и сейчас» результатов эмпирических проверок выводов посредством наблюдений, экспериментов, измерений) играют первичную и решающую роль, а практика в смысле эмпирически обнаруживающихся результатов общественно значимой деятельности за пределами науки только в исключительных случаях необходима в качестве критерия истинности, в социальных теориях исключительно *практика* в указанном ее смысле играет роль критерия истинности (и вместе с тем роль критерия научного статуса гипотезы, становящейся теорией). Притом в случае фундаментальных социальных теорий, образцовым примером которых, безусловно, являются теория капитала К. Маркса в целом и теории, относящиеся к отдельным аспектам функционирования капитала, в частности теория тенденции снижения нормы прибыли, общественно значимая деятельность, чтобы стать критерием истины, должна браться в широких исторических масштабах («в течение продолжительных периодов времени»).

Концепция капитала К. Маркса, а вместе с ней и концепция падения нормы прибыли, бывшие вначале гипотезами, все основательнее утверждаются в качестве научных теорий, ибо истинность их выводов эмпирически подтверждается ходом мировых событий в большом историческом времени. Что касается экономических кризисов капитализма, то с момента публикации исследований Маркса достоверность их результатов неоднократно подтверждалась и исторической реальностью, и многочисленными исследованиями других авторов. Теперь вывод Маркса о кризисном характере функционирования капитала является общепризнанным. Другое

дело, что теоретики, являющиеся идеологами буржуазии, надеются на способность капитала вновь и вновь преодолевать кризисы, обеспечивая его существование в необозримой перспективе. Но в действительности практика Октябрьской революции 1917 г. в России и открытой ею эпохи социалистических революций во многих других странах уже подтверждают, что кризисы капитализма преодолеваются не только в пределах капиталистического строя, но и выходят за его пределы, перерастая в генезис коммунистической формации. С 1917 г. коммунизм в форме социализма – это не только предмет футурологической теории, но и реально существующая на международном уровне социальная система. После поражения СССР в холодной войне с капиталистическим Западом, демонтажа социализма в бывших республиках СССР и странах Восточной Европы буржуазные политики и идеологи полагали, что вскоре весь мир будет полностью и окончательно реставрирован в качестве капиталистического. Однако вскоре выяснилось, что «конец истории» не состоялся. Во многих неевропейских странах социалистическая ориентация не просто выдержала испытания натиском западного капитализма, но и обеспечила успешный – а в Китае беспрецедентно высокий – рост их экономик. Ряды стран социалистической ориентации быстро пополняются. Сейчас уже вполне правомерно говорить о формировании новой мировой системы обновленного социализма. В общем, социальная практика большого исторического масштаба подтверждает, что, несмотря на временные отступления и поражения, новая экономическая общественная формация все шире и прочнее утверждается на нашей планете. Поэтому совершенно прав один из наиболее глубоких современных социальных мыслителей И. Валлерстайн, когда утверждает: «Маркс и его идеи процветают, они стоят крепче, чем идеи любого аналитика XIX в., и обещают оставаться в центре социальной жизни в миросистеме XXI в.»¹⁸

Таким образом, есть все основания для признания вслед за Марксом философского диалектического метода, модифицированного в виде метода восхождения от абстрактного к конкретному, генеральным методом социально-гуманитарных наук.

¹⁸ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб., 2001. – С. 250.